

Личность

Автор: В. И. Новиков

3 ноября 2006 г. минуло пять лет со времени кончины Михаила Викторовича Панова - одного из крупнейших лингвистов минувшего столетия, продолжателя традиций Московской фонологической школы, оригинального литературоведа и эстетического мыслителя, поэта, блестящего университетского педагога и популяризатора филологической науки. В своих работах он стремился к культурному синтезу, исследуя слово во всем богатстве, сопрягая лингвистику с литературоведением и эстетикой, давал пример широкого междисциплинарного подхода в языкознании.

"Человек он был". Эта цитата из "Гамлета" - своего рода пароль, необходимый для того, чтобы войти в мир М. Панова, адекватно воспринять созданное им как ученым и как литератором.

В науке нет абсолютных авторитетов, любая концепция не только может быть оспорена, но и объективно нуждается в испытании противоположной точкой зрения. "Каждый человек имеет право на несогласие" - любимое изречение Михаила Викторовича.

В литературе, в искусстве в целом нет и быть не может монополии на художественное совершенство - ни у отдельного творца, ни у стилевого направления. "Победитель будет побежден" - так Панов объяснял сущность литературной эволюции в своих лекциях по истории русской поэзии.

Но вечнонезыблевые ценности существуют, и связаны они прежде всего с человеческой природой. Свободное развитие личности - вот идеал, оспорить который невозможно, а практически реализовать в своей жизненной практике удается очень немногим. Феноменальность Панова - в том, что он непрерывно развивался как личность. В юные годы он задался вопросами, ответы на которые искал и находил до последнего дня. В семьдесят лет он ощутимо отличался от себя же шестидесятилетнего, его взгляды изменялись, оценки уточнялись. На восьмом десятке лет он сохранял чувствительность и любопытство к новым научным и философским идеям, к литературно-эстетическим веяниям конца двадцатого столетия. Эта особенность его личности и его многогранной деятельности поистине беспримерна.

Панов любил образные аналогии со световым спектром. Даже системные эпохи в истории русского произношения он обозначил цветами радуги - от "пурпурной" (книжный язык первой половины XVII в.) и "лиловой" (бытовой язык того же периода) до "оранжевой" (речь старшего поколения в XX в.) и "алой" (речь младшего поколения в XX в.). И его личность, его биография, вся совокупность его научных и литературных произведений

Н о в и к о в Владимир Иванович - доктор филологических наук, профессор кафедры литературно-художественной критики факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

дений - целый спектр, насчитывающий не менее семи ярких цветов (а оттенков, конечно, еще больше).

Эстетик. Поэт. Языковед. Литературовед. Педагог. Организатор научно-исследовательского процесса. Гражданин. Продолжим разговор в этой последовательности, имея в виду, что базовая, языковедческая составляющая пановского спектра с достаточной полнотой охарактеризована его единомышленниками и учениками.

"Эстетик". Само это слово в наши дни малоупотребительно, поскольку немногие исследователи умеют сосредоточиться на сугубо эстетической сущности изучаемых явлений, не впадая ни в политианство, ни в спекулятивное философствование, ни в щеголяние новомодными "точными" методами. Панов всегда подходил к литературному тексту с точки зрения его эстетической специфики, ощущая и фактуру материала, и направление творческой трансформации, художнического усилия. Это обусловливало внутреннюю цельность и системность всех эстетических оценок Панова, в которых он был поразительно независим от сложившихся иерархий.

Михаил Викторович обосновал чрезвычайно плодотворную и эвристически ценную категорию *пределности* произведения: если возможности данного материала реализованы художником до предела, то его творение уже не может быть "превзойдено", оно не может быть "хуже" другого произведения, каким бы шедевром то ни являлось. Истинные, "пределные" создания поэтов и прозаиков составляют открытый для продолжения ряд равноправных эстетических ценностей. И это, конечно, относится не только к художественной словесности. Панов всегда проявлял интерес к другим видам искусства, особенно изобразительного. Ему был чужд "литературоцентризм", он признавал за музыкой, театром, кино, живописью самостоятельную специфику, особенный "язык", уже в метафорическом, а не в буквально-лингвистическом значении. Так, для живописи языком являются линии и краски, для театра - жесты и зрелищность. Панов с удовольствием вникал в эти языки, увлекался театром В. Мейерхольда, русским художественным авангардом.

Ярким новатором предстает Панов в своем поэтическом творчестве. В поэзии ему особенно близки были футуристы, и в первую очередь Велимир Хлебников. Панов не подражал Хлебникову (да это и невозможно в принципе), а воспринял идущий от этого поэта творческий импульс - бесконечной свободы слова и стиха, сочетания отважной сложности с не менее смелой простотой высказывания. Как и Хлебников, Панов писал в основном свободным стихом (верлибром), не стесняя себя строгими размерами и обязательной рифмой. Именно в такой форме нуждался индивидуальный язык поэта. Именно свободный стих стал для него естественным способом формулирования мыслей и выражения чувств.

Вот фрагмент из сложенного Михаилом Викторовичем на войне стихотворения "Ночью". Двадцатидвухлетний лейтенант рассказывает об артиллерийских буднях, о книге Блока, которую он постоянно носил с собой, вспоминая знаменитые и написанные, кстати, верлибром строки "Она пришла с мороза раскрасневшаяся...":

"Натаскиваю, натягишаю шинель, чтобы укрыться с головою.
Рвет ветер! Ко мне сочатся его ледяные потоки.
Медленно вырастает звук порывистый и воющий:
"Месссершмит"? Или может... нет, не "фокке-вульф".
Думаю о судьбе русского свободного стиха:
будущее - за ним. И совсем не бескрылый,
не безвольный, вранье: это стих глубокого дыханья,
яркости, крутизны. Блок давно уже это открыл"
[Панов, 1998, с. 60].

Свободный стих - не причуда, он вызревает в недрах русского языка, особенно разговорного. Он открывает возможность рассказа честного, доверительного, эмоционально доходчивого. Военные верлибры Панова мгновенно создают эффект читательского присутствия и даже соучастия в событиях. Вместе с тем Панов не чурался и стиха метрического, наращивая мощь интонации преодолением барьеров и плотин строгих форм. Так работает у него сонет, полностью освобожденный от декоративности и условности.

Традиционно-пятистопная строчка вдруг становится смысловой вспышкой: "Я мир считал своим. А он - ее" - это из стихов, написанных на смерть матери. Рифма же здесь предстает не профессионально-стихотворческой обязанностью, а будто впервые обретенным способом преодоления дискретности, дробности мира:

"Обуза дел отпала; белый шнур
Сгорел, свистя, - и сухо мрак рванулся.
Освенцим дня умолк, и Орадур
Угрюмыми огнями отгрызнулся.

А у тебя? Счастливый день очнулся,
Залил росой? Или безлюдно-хмур
И тягостен, мрак ночи развернулся
Тебе горя из черных амбразур?"

[Панов, 1998, с. 87].

"Стих - это человеческая речь, переросшая сама себя" - это определение Ю. Тынянова (ученого и писателя, чрезвычайно близкого Панову по научно-эстетическим взглядам) в полной мере относится к поэтическому языку Панова.

Можно сказать, что Панов-поэт органично связан и с Пановым-лингвистом, и с Пановым-литературоведом. Потому и появилось такое стихотворение, как "Бодуэн де Куртенэ", в котором, выражая свое восхищение великим лингвистом ("Люблю Бодуэна!"), Михаил Викторович не только в афористичной форме фиксирует важнейшие аспекты его наследия, но и выделяет принципы, существенные для собственных исследований:

"Велел назад -
до праславянских вихрей,
видел вперед -
до наших асфальтовых дней..."

Напрягает вокруг себя
думательное поле.
И тянет к себе и влечет:
в себя; в слово; в мысль...

Разглядеть
средь ошибки-скрежета
речевой непогоды
разглядеть
кристаллически-прозрачную глыбу:
язык...

Слово
перестало быть поленом:
явилось гибко и прытко,
как ласка, как горностай.
Вывел горностая
из твердой породы
Бодуэн - пониматель..."

[Панов, 2001, с. 38 - 42]

Не менее яркий пример соединения поэта и филолога в одном лице - цикл "Звездное небо". Панов, как никто, умел ценить поэтов "хороших и разных". Он не любил нарочитого деления на "великих", "выдающихся", "талантливых", "известных" и т.п. Каждый настоящий поэт - это уникальный мир, неповторимая звезда на небосводе русской поэзии. И Михаил Викторович нарисовал словом портреты почти ста отечественных стихотворцев, разместив свои миниатюры в произвольном порядке и пояснив, что это "попытка представить те образные впечатления, которые возникают (у автора этих набросков) при чтении русских поэтов" [Панов, 2001, с. 155]. Он не прибегает к цитированию, а изображает поэтические миры, пользуясь верлибром как стихом бесконечных возмож-

ностей, вбирающим в себя все другие разновидности стиха. Вот как воссоздал Панов облик самого хрестоматийного из наших классиков:

"Мир, где все
отбрасывает
остро-сверкающие тени.
Пушкин"

[Панов, 2001, с. 173].

Такие же свежие, необычные слова и образные ассоциации найдены для В. Жуковского и Е. Баратынского, народных сказительниц М. Кривополеновой и И. Федосовой, для автора "Конька-Горбунка" П. Ершова и К. Чуковского с С. Маршаком, для близких нам по времени Л. Мартынова и Д. Самойлова и для известных только специалистам баснописцев И. Хемницера и А. Измайлова, для прославленных А. Ахматовой и М. Цветаевой и менее известных А. Радловой и К. Некрасовой. Нашлось место и для И. Тургенева с Ф. Достоевским (первый показан как автор стихотворений в прозе, а второй - как создатель комических стихов капитана Лебядкина в романе "Бесы"), и для тех поэтов, которые свой талант реализовали в переводах. Своего любимого В. Хлебникова Панов выделил особо, начав цикл с его портрета и закончив еще одним. Что ж, это вполне естественно: у каждого из нас есть самый-самый поэт, через мир которого мы входим в поэтический космос. В пановское "Звездное небо" можно всматриваться снова и снова, испытывая вместе с автором восхищение огромным богатством отечественной поэзии.

Как литературовед Панов выступил непосредственным продолжателем методологической традиции ОПОЯЗа. Ориентация на научный опыт Ю. Тынянова, В. Шкловского, Б. Эйхенбаума, раннего Р. Якобсона была у него осознанной, а "формальный метод" -точкой отсчета подлинной научности в исследовании литературы. Глубокие теоретические прозрения "формалистов" во многом опирались на творческую практику русского авангарда, при всей широте своего эстетически-вкусового диапазона именно в новаторской поэзии первой трети XX в. находит наиболее благодатный материал для постижения общих законов литературы как таковой и логики ее историко-эволюционного развития.

С Тыняновым, Шкловским и Якобсоном Панова сближал страстный интерес к Хлебникову, многолетние наблюдения над языком которого отражены в статье "Сочетание несочетаемого". Не меньшую эвристическую значимость для ученого имела "экстремальная" поэтика Д. Хармса. В посвященной легендарному обэриуту статье Панов обозначил перспективные методологические принципы построения научной истории русской поэзии XVIII-XX вв. Пановские мысли о "самодвижении" поэзии во многом перекликаются с тыняновской идеей о том, что литературная преемственность есть прежде всего борьба. При этом для Панова еще важна и самодостаточность художественных явлений, не отменяемая эволюционным процессом: "Каждый мир - самоценное совершенство и вместе с тем - возможность продолжения в новом, ином поэтическом мире".

Панов усвоил и последовательно применил лежащую в основе опоязовской эстетики антитезу "материал-прием". Может быть, такой специфический подход к художественным явлениям в принципе доступен только людям творчески одаренным, какими были лидеры ОПОЯЗа - писатели-ученые, являвшиеся одновременно и "ихтиологами", и "рыбами". Как и они, Панов сочетал четкую научность с глубоким пониманием предмета "изнутри". Принципиальное положение "формалистов" о том, что "мысль" в искусстве есть "материал", для Михаила Викторовича с самого начала была исходным постулатом. По этой причине он был критически настроен к структурно-семиотической школе, подменявшей эстетическую сущность искусства "знаковостью", которая для Панова была лишь свойством материала, свойством, присущим многим нехудожественным явлениям. Не будет преувеличением сказать, что Михаил Викторович в одиночку пронес научную эстафету опоязовской традиции и передал ее двадцать первому веку - и в своих опубликованных трудах, и в имевших огромный публичный успех лекциях по истории русской поэзии в МГУ, где педагогическое мастерство Михаила Викторовича было явлено во всем блеске.

Особо следует сказать о новаторском вкладе Панова в теорию стиха. Стиховедческий аспект в его трудах был всегда органично включен в общую систему поэтики, отсюда - широкий взгляд на ритмику, охватывающий и ритм образа, и ритм композиционный. Статьи Панова о ритме и метре, его доходчивые "Рассказы о русском стихе" основаны на принципиально новом подходе к предмету. Панов постоянно видел в стихе соотношение (а порой и столкновение) *стопной* и *тактовой* организаций. С тактовиком (в пановском понимании термина) по-своему граничит и верлибр. Такая типология стиха - это развитие идей тыняновской "Проблемы стихотворного языка". В ее свете явно устаревшим видится противопоставление "классических" и "неклассических" размеров, не очень нужной оказывается громоздкая статистика и процентные данные. В своих обобщениях Михаил Викторович опирался не на "валовой продукт" поэзии, а на эстетически значимые стиховые закономерности. У такого подхода к стилю - большое будущее.

Продолжать дело Панова сегодня - значит преодолевать ведомственные границы между языкоznанием и литературоведением, между филологией и литературой, перепрыгивать барьеры между системностью культуры и хаотичной непредсказуемостью живой жизни, между строгим познанием и артистичной игрой. Книга Панова "Позиционная морфология русского языка" заканчивается главами "Окно в лексику" и "Окно в синтаксис". Вся работа Панова - это непрерывное открывание таких новых окон. От факта к обобщению, от уровня к уровню, от позиционного чередования звуков до закономерной смены художественных систем - такова духовная вертикаль, выстроенная ученым. И в стройности этой познавательной системы отражается гармоничность личности филолога и поэта.

Очень личностной, неповторимо-индивидуальной была и общественно-политическая позиция Панова. Он не принадлежал к активным "антисоветчикам" и диссидентам, мог порой критически оценивать шаблонно, нетворчески мыслящих "прогрессистов" ("Они просто перешли в другое стадо", - говорил он в таких случаях). Но сама его человеческая натура, его научные и эстетические убеждения не могли не вступить в решительное противоречие с советским тоталитаризмом. А. Синявский на судебном процессе 1966 г. говорил, что у него с советской властью "стилистические разногласия". Для Панова (кстати, написавшего в Кремль письмо в защиту Синявского и Ю. Даниэля) разочарование в социалистических идеалах тоже началось со стилистики.

Михаил Викторович рассказывал, как его отец, интеллигент с дореволюционным воспитанием, находил в сталинском "Кратком курсе истории ВКП(б)" грубейшие речевые ошибки и саркастически их комментировал. А много лет спустя Панов вступил в непримиримый конфликт с чиновными конформистами, для которых властная конъюнктура была важнее и ценнее, чем русский язык и великая русская словесность. Михаил Викторович вспоминал о том, как, защищая своих вольнодумных коллег, разговаривал с академиком-секретарем Отделения литературы и языка АН СССР М. Храпченко. Тот, будучи циничным, но неглупым чиновником от науки, искренне не мог понять, зачем эти наивные языковеды выступили против ввода советских войск в Прагу: "Чего они хотят добиться? Есть армия, есть органы. Лбом стену пытаются прошибить!"

Этот эпизод вспомнился еще и потому, что вскоре вслед за ним последовал уход Панова из академического Института русского языка. Это нанесло огромный ущерб не только отечественному языкоznанию, но и всей филологической науке, всей гуманитарной культуре. Именно Панов со своей научно-культурной универсальностью и феноменальным даром организатора научного процесса призван был возглавлять Отделение литературы и языка, вдохновлять коллективные научные исследования как лингвистические, так и литературоведческие. Уверен, что тогда наша наука смогла бы активнее воспользоваться преимуществами перестроичной эпохи, что не произошло бы того понижения общественно-духовного статуса филологии, о котором мы вынуждены сегодня говорить.

А свой индивидуальный жизненный и научно-творческий путь Панов прошел достойно и плодотворно. Он не раз примерял к своей судьбе известный афоризм Г. Сковороды:

ды: "Мир ловил меня, но не поймал" (понимая его не в узко религиозном, а в широком гуманистическом смысле). Панов был личностью философского масштаба. Это можно сказать отнюдь не о каждом большом ученом и не о каждом талантливом литераторе. Это редчайшее качество, которое не только делает неизменно интересными написанные Пановым книги, статьи и стихи, но и укрепляет в их читателе веру в человека как такового.

1920 - 2001. Даты жизни Михаила Викторовича Панова символичны. Он человек двадцатых годов двадцатого века - с их авангардной мечтательностью, конструктивно-созидательным мышлением, творческим отношением к классической традиции. Вместе с тем он успел перешагнуть рубеж тысячелетий, заглянуть в двадцать первый век, в котором его идеям и его наследию суждена долгая жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Панов М. Олени навстречу. Вторая книга стихов. М., 2001.

Панов М. Тишина. Снег. М., 1998.